

2011/2 (4)**Содержание****Теоретическая культурология***Межуев В.М.*

Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 3)

Глостанова М.В.

Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур

Историческая культурология*Шулепова Э.А.*

Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция

Флиер А.Я.

Историческая культурология как область знания

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 2)

Прикладная культурология*Астафьева О.Н.*

Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8)

Соколов А.В.

Три лика информационного общества

УДК 008.009:3

Межуев В.М.

**Размышления о культуре и культурологии:
культурология в контексте современного
гуманитарного знания
(Статья 3)**

Аннотация. Публикация продолжает серию статей известного российского философа культуры, анализирующего сущность культуры и перспективы развития наук о культуре, акцентируя внимание на «дисциплинарном» дублировании и важности понимания предметного поля культурологии. Автор раскрывает свое понимание специфики антропологии, отмечает различия антропологического и философского подходов к проблемам культуры, отмечая, что философу культуры приходится решать для себя вопрос о границе между культурой, которую он считает своей, и чужими для него культурами. Культурология же, объединяющая все виды знания о культуре, ответила на запрос времени, усилив «культурологический бум». Его осмысление поможет понять, по мнению автора, как из многоголосья культурологических подходов начинает складываться культурология как научное направление.

Ключевые слова: культура, культурология, антропология, философия культуры, социально-гуманитарное знание

В истории М.Е.Салтыкова-Щедрина о городе Глупове губернатор создал академию и написал ей устав. И один из параграфов устава гласит, что в обязанности академии входит открытие наук и закрытие оных. Время идет, а мы по-прежнему в России увлекаемся изобретательностью в этой области, все время придумываем новую номенклатуру специальностей. Придумали культурологию, а сейчас настаиваем и на приоритетности антропологии.

Напомню, антропология – термин значительно более традиционный, чем этнология и этнография, значительно раньше он возник в лоне Просвещения (немецкого), находившегося под впечатлением от успехов естественных наук. Перед Просвещением был XVII в. – век науки, прежде всего, математики, астрономии, физики. Богом того

Гуманитарные исследования

Аванесова Г.А.

Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарной мысли Запада и России (Часть 1)

Ильшев П.В.

Особенности изобразительного моделирования кинематографического пространства в фильмах Акиры Куросавы

Штейнер Е.С.

«Гений дзюдо» – Куросава начинается

Малая культурологическая энциклопедия

Власенко В.В.

Философско-педагогические идеи М.С. Кагана

Шестаков В.П.

Изобразительное искусство

Юбилейные даты

К 80-летию Елены Ефимовны Кузьминой

Плоских В.М.

В поисках древних путей ариев

Поляков Т.П.

Белый пароход

К 65-летию Кирилла Эмильевича Разлогова

Хренов Н.А.

Кирилл Разлогов – человек глобальной культуры

Рецензии

Кузнецова Т.Ф.

Культурологический поиск: от фундаментального к прикладному: рецензия на книгу: «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (М.: Смысл, 2010. 640 с.)

времени был И.Ньютон. Именно в век Просвещения был поставлен простой вопрос: нельзя ли человека сделать таким предметом точного знания, каким Ньютон сделал всю Вселенную? Может ли человек быть объектом эмпирического (опытного) знания, а не метафизических спекуляций и отвлеченностей? Что значит «просветить»? Это означает, что прожектором является мой разум, направленный не на внешний мир, а опрокинутый на себя.

Просвещение вводит термин «природа человека». С этого времени признается, что есть внешняя природа и природа человеческая, единая для всех людей. Знание этой последней И.Кант впервые назовет так: «Антропология с прагматической точки зрения». При этом замечу, что Ж.-Ж.Руссо, который тоже занимался изучением человека, не называл себя антропологом, а Кант – назвал (правда, это написано в одной из его последних работ; считалось, что тогда он уже «выжил из ума»). Он четко провел границу между антропологией прагматической и этикой.

А что же такое этика? Это гуманитарное знание. Этику открыли гуманисты, которые не были антропологами. Важно понять, в чем же здесь разница, поскольку из нее и вырастет этнография. На мой взгляд, различие здесь достаточно простое. Человек – существо моральное, поэтому может действовать в целях, которые противоречат его чувственной, эмпирической природе. А может действовать иначе – эмпирически. Человек – предмет того, что дано в опыте, что я могу наблюдать реально, как физик наблюдает природные процессы. С этого момента антропология означает действительно научное (не философское, не метафизическое, не этическое, не религиозное) знание о человеке.

Как ученый может наблюдать человека? Можно изучать его эмпирически, как один человек изучает другого. А что же изучает И.Кант в своей работе? Характер народов и их различия. По его словам, он изучает человека как гражданина мира, т.е. как он дан в реальном опыте, не обращаясь к естественному человеку, к которому обращался Руссо. Это – чистое воображение. Мы же пытаемся взглянуть на человека таким, каким он дан в опыте. В дальнейшем стала развиваться этнография (это уже был XIX в.), а на более позднем этапе появилась этнология.

Американцы и англичане, как известно, сделали источником знания полевые исследования, простое наблюдение, описание того, как живут люди, то есть их обычаев, традиций, норм, и назвали эту науку антропологией. Антропология в современном знании, научная антропология – это просто иное обозначение этнологии. В США она называется культурной антропологией, в Великобритании – социальной антропологией.

Американские этнологические исследования строились на базе изучения коренных индейцев, которых загнали в резервации. Как можно было изучать их культуру? Конечно, только по реликтам культуры, вот, собственно, так и возникла культурная антропология. А англичане изучали аборигенов Океании и Африки, которые еще жили в своих нишах, и их социальные структуры не разрушились, отсюда – появление социальной антропологии. Потом возникла философская,

подлинная антропология, которая, начиная с М. Шелера, пыталась вписать физического, эмпирического человека во Вселенную.

Антропологический блок знаний – это то, в создании чего участвует антрополог (он поддерживает то, чего не может этнограф). Вот почему антропология научна. Мы распространяем антропологическое знание почти на все формы существования человека, а человек нам дан не только через поведение, которое можно наблюдать, и не только через полевые исследования. Все этнографы начинают, как Н.Н.Миклухо-Маклай: проводят два-три года в полевых условиях, а потом уже занимаются анализом, обобщениями, в общем – теорией. А человек нам дан еще и через слово, через текст. Как быть с этим? Ведь антропология изучает человека еще в дописьменном состоянии. И с того момента, когда возникает письмо (как Бог нам дан через Священное Писание), человек тоже уже дан через свое профанное слово. Тогда возникает другая область знания – это уже не антропология, а гуманитарная наука (филология, история и др.). Поэтому распространять антропологию на всю область знания о человеке, конечно, не верно. Это сфера существования человека в стихии устной речи.

Хочется поразмышлять и над соотношением других наук, предметные области которых тоже не лишены пересечений. Я говорю о двух научных дисциплинах, ставших в последние годы у нас в России весьма популярными. Им даже трудно найти аналог в западной науке. Первая – это политология. Точно могу сказать, что в том варианте, с каким мы имеем дело в России, такой науки на Западе нет. Точнее, там есть политические науки, т.е. признается область научного знания, а слово «наука» используется во множественном числе. Вторая – культурология. Хотя термин «культурология», означающий в переводе на русский язык науку о культуре, впервые вошел в научный обиход в XX в. именно на Западе (для обозначения новой области научных исследований, отличной от естественных и социальных наук), реально ему соответствует не какая-то одна наука, а совокупность разных наук, включая культурную антропологию, возникшую на базе этнологии, историю культуры, социологию культуры и др. Какую из них следует считать культурологией?

Я преподаю на кафедре культурологии, и мне жалко людей, получающих диплом культуролога и считающих себя специалистами по культуре. По какой культуре? По культуре вообще? Это все равно что называть себя не физиком, химиком или биологом, а специалистом по природе вообще. Если ты с дипломом культуролога, то на Западе не поймут, чем ты конкретно занимаешься. Лично себя я всегда считал не культурологом, а философом культуры, что далеко не одно и то же.

Важно разобраться, кем в действительности является культуролог и почему относительно культурологии так много разночтений? Дело в том, что и этнологи, и филологи, и социологи по-своему представляют культурологию. Кто из них и почему может считаться не просто этнологом, филологом или социологом, но и культурологом? В этом и заключается основная проблема.

О смысле термина «культурология» лучше всего судить по аналогии с

термином «естествознание». И тот, и другой – суммативное обозначение разных научных дисциплин. В XX в. большинство социальных, исторических и гуманитарных наук повернулось лицом к культуре. Подобный поворот приобрел характер своеобразного «культурологического бума»: антропология стала культурной антропологией, история обрела вид преимущественно истории культуры (или цивилизации), социология культуры вышла на первое место в ряду других социологических дисциплин. Все это, разумеется, нельзя считать случайностью.

Как уже отмечалось, «культура» стала главным словом XX в. В каком смысле главным? В XVIII в. таким было слово «природа»: все ответы на вопросы, встающие перед человеком, искали в природе. Это был век «наук о природе». XIX в. – век исторических и социальных наук, ответ на вопрос о сущности человека искали в истории и обществе. В этот век появилась социология. И лишь в XX в. основной «инстанцией», отвечающей на этот вопрос, была признана культура – более фундаментальная историческая и общественная реальность, чем даже экономика или политика. Это и предопределило появление термина «культурология». Введший его в научный оборот американский этнолог Л.Уайт хотел обозначить им всю область антропологических и социологических исследований о человеке, т.е. представить культурологию как преимущественное знание о человеке в системе наук, но его попытка не нашла поддержки у ученых Запада. В Британской «Энциклопедии социальных наук» (1968) культурология определяется как часть культурной антропологии.

Но, напомним, антропологи занимаются все же не всей культурой, а только той, которая существует на дописьменном уровне. Я называю ее этнической культурой. Культура, возникающая на базе письменности (к ней относятся все национальные культуры) является предметом изучения историков, филологов, лингвистов, представителей различных областей гуманитарного знания. Нация – не этнографическая категория, а национальная культура – не синоним культуры этнической (или народной). В современном обществе с его средствами массовой информации сформировалась так называемая массовая культура, изучаемая преимущественно в рамках социологического знания. Ее уже нельзя числить по разряду ни этнической, ни национальной культуры.

Культурология объединяет все виды знания о культуре. Культуролог как бы совмещает в одном лице этнографа, филолога, историка, социолога. А ведь еще существует психология культуры, экономика культуры, правовые основы сферы культуры. Их тоже следует считать культурологией? Все названные выше науки занимаются культурой, но только с разных позиций. Поэтому существование одной (общей) науки о культуре под названием «культурология» и вызывает у меня сомнение.

Но как ответить на вопрос, чем является культура в целом? Тут я согласен с Ю.М.Резником, который утверждает, что на этот вопрос отвечает только философ. Сравним опять же эту ситуацию с положением дел в естественных науках. Кто из ученых,

представляющих разные естественные науки, может ответить на вопрос о природе в целом? Физики расскажут нам о физической природе, химики – о химической, биологи – о биологической, психологи – о психической и т.д. А на вопрос, чем является природа в целом, ответить может, видимо, только философ. Как он это делает – тема для особого разговора.

Ту же мысль можно выразить следующим образом: если ученые культурологи ставят вопрос о ценностях, отличающих одну культуру от другой, то философы решают вопрос о ценности самой культуры для человека. Это два разных вопроса, которым соответствуют и два разных вида знания о культуре – научное и философское.

В настоящее время вопрос о ценностях разных культур, о возможностях взаимодействия культур ставится и учеными, и философами. Поэтому мне хотелось бы сделать серьезное уточнение: культуры в диалог не вступают, в диалог вступают люди, представляющие разные культуры. Причем, не любая культура способна на такой диалог. Скажем, этнические культуры обладают структурным сходством, но не обладают даром общения. В этом причина многих межэтнических конфликтов. Чтобы диалог культур состоялся, надо, чтобы в них появился индивид, способный выходить за рамки своей этнической обособленности, возвышаться над уровнем своей группы. Мне показалось важным подчеркнуть это, поскольку, начиная разговор о том, какими же методами культуролог берется изучать культуры, нужно все-таки понимать, что он изучает человека в культуре тоже.

Нужно ли специально говорить, что любая наука нуждается в серьезных методологических основаниях? Вряд ли. В этой связи уместным будет воспользоваться терминологией Томаса Куна, автора теории научных революций, и напомнить, что любая наука, если она сложилась, т.е. уже существует, должна иметь некоторого рода парадигму. Под парадигмой он понимал некоторого рода образцовое сочинение, которое признано в мировом сообществе. Потом накапливаются новые данные. Одна парадигма сменяет другую, и так происходит научная революция. То есть, говоря простым языком, в любой науке должен быть свой авторитет, авторитетное имя или авторитетное сочинение, от которого можно отталкиваться. Если говорить о культурологии, такого авторитета нет, как нет и авторитетного сочинения. Первое, что я говорю студентам, которым читаю культурологию (но себя считаю, еще раз подчеркну, философом культуры): «Не читайте ни одного учебника по культурологии, вам только там голову заворачивают». Действительно, сложилась такая ситуация, когда каждый человек, который занимается культурологией, предлагает свою концепцию или свое видение предмета этой науки. Отсюда, и это видно по многим конференциям, такое многоголосье. Это признак отсутствия общепризнанной парадигмы и знак того, что культурология еще как наука не существует, она только складывается. Я совсем не против нее, прошу меня правильно понять, но я не могу сегодня указать на общепризнанный авторитет. Кто-то называет имя Д.С.Лихачева, кто-то – С.С.Аверинцева, кто-то – М.М.Бахтина. Извините, но никто из них не называл себя культурологом. Они представляли либо филологическую, либо еще какую-то науку.

С чем, как мне кажется, тогда можно согласиться и с чем все согласны? Я думаю, все понимают, почему культура стала объектом научного знания. Это произошло довольно поздно. Выше я уже эту сюжетную линию начинал, поэтому продолжу. Еще в первой половине XIX в., уже не говоря о XVIII в., наук о культуре не знали. Термин «науки о культуре» ввели неокантианцы в конце XIX в. Кант не знал вообще наук о культуре, поэтому говорил только о физике и математике. Возникновение наук о культуре (я пока слово «наука» употребляю во множественном числе, я не знаю одной науки о культуре, я знаю много наук о культуре) обязано происхождением одному фундаментальному открытию, которое было сделано в XIX в. и которое, может быть, стало главным открытием в области гуманитарного знания. По своему значению – где-то на уровне теории относительности. Об этом открытии сегодня знает любой школьник. Суть этого открытия состояла в следующем: нет одной культуры, культур много. Для наших современников это звучит абсолютно банально: культура существует только в множественном числе. Дело в том, что мы все об этом говорим, но не делаем всех выводов из этого. Поэтому нужно специально рассказывать, как пришли к этому выводу.

Все мы знаем, что такое итальянский Ренессанс, но только не знаем, что Европа пережила три Возрождения, а не одно. К.Леви-Стросс назвал это тремя гуманизмами. Первое Возрождение все знают: христианский мыслящий человек как бы заново открыл для себя Античность. Второе Возрождение – это середина XIX в., когда, в результате разного рода раскопок, Восток был заново открыт европейским человеком; появилось востоковедение, и сначала – как филологическая, историческая наука. Если еще после И.И.Винкельмана считалось, что Античность – это детство человеческого рода, то затем стало ясно, что Античность – это период высочайшей зрелости, а история и «детство» отдвигаются глубоко назад, к шумерам. Третье открытие имеет точную дату – это 1871 год, год выхода в свет книги Э.Б.Тэйлора «Первобытная культура», когда стало ясно, что и так называемые примитивные народы обладают своей культурой, не такой как наша, но, во всяком случае, горизонт культуры распространился на все историческое пространство. Собственно говоря, в истории нет места, которое было бы вне этой истории. Я не буду об этом подробно говорить, только скажу, в чем состоит культурологическая проблема: мы из этого не делаем всех выводов – выводов из того, что культур много и что человек живет на пересечении разных современных культур.

С позиций европейского культуроцентризма, культура – одна, соответственно, становится ясно, что то, что я знаю о культуре, и мое существование в ней совпадают. Работает формула Р.Декарта: «Cogito, ergo sum» – «Мыслю, следовательно, существую». Мое знание совпадает с моим бытием. А если культур много? Первое – это то, что не со всеми культурами я связан «по жизни», я должен сделать их предметом знаний. Отсюда и науки о культуре. Культура как бы выносится за рамки моего существования. Но самое главное, мое существование в культуре и мое знание о ней не совпадают. Простые примеры: можно знать ислам, но это не значит, что я мусульманин;

можно изучать китайскую культуру, но это не значит, что я человек китайской культуры. Мы живем в эпоху билингвизма. Большинство знает английский язык. Означает ли это знание английского языка мою принадлежность к английской культуре? Знать культуру и быть в ней – это разные вещи. С этой точки зрения, ученый – это «некультурный» человек. Одно дело, что я изучаю, и другое дело, к какой культуре я сам принадлежу. Эти вещи разошлись. Вот на этом самом разрыве между знанием культуры и моим культурным самосознанием, осознанием собственной культурной идентичности и возник разрыв между культурологией и философией культуры. Если ученый поставит вопрос не о том, каков по культуре тот и другой народ, а сформулирует вопрос по-другому: «Кто я сам в культуре и что я считаю своей культурой?», он тут же станет философом. И поэтому я уверяю вас, что нет такой науки, которая скажет вам, кто вы сами по культуре.

Из принятия положения о множественности культур сразу возникло две новые проблемы. Если культур много, значит, одна культура отличается от другой, значит, есть граница между культурами. Так был открыт Другой, и это стало делом науки. Именно наука исследует границы, которые различают разные культуры – все, сколько их есть на свете. Как проводится эта граница – сложный вопрос. Как провести границу между разными культурами, если их можно провести по разным основаниям? Где проходит граница между культурой, которую я считаю своей, и чужими для меня культурами? И отсюда возникает многообразие научного знания о культуре.

Мы живем в мире, и это одно из следствий социокультурных изменений, с некоторым разрушенным культурным самосознанием, и в каждой стране встает вопрос о кризисе культурной идентичности. Даже американцы задаются этим вопросом (напомню о книге С.Хантингтона*). Ответить на этот вопрос очень трудно. Попробуйте ответить, почему вы люди русской культуры. Какой признак вы возьмете за основу? Кровь? Нет. Можно быть русским по культуре и не быть им по крови, и наоборот? Язык тоже не всегда помогает определить свою принадлежность: я знаю культуры, где люди – ее носители, говорят на одном языке, будучи выходцами из разных стран (латиноамериканская – испанская, английская – американская). Память, так говорил Д.С.Лихачев? Когда-то я спорил с ним и говорил, что память – великая вещь, и значение традиции огромно. Но память не связывает меня с настоящим и будущим. А то, что я хочу для себя в будущем, всегда ли совпадает с тем, что я имел в прошлом? Уж так ли я хочу воспроизвести все, что было в прошлом. Вопрос о том (и сейчас вы поймете, что философ называет культурой), что есть моя культура, каждое поколение решает заново. Потому что я могу от чего-то отказаться, что-то взять у другого народа, что-то сделать своей культурой... так мы и живем. И поэтому в основе культуры лежит не только необходимость окружения, воспитания, но и моя свобода выбора. Я выбираю сегодня свою культуру. Так и решается вопрос о культурной идентичности. Всем, что касается необходимости, потребности в моей культуре, что зависит от предков, от традиций, от воспитания, от среды, от окружения – пусть занимается наука, пусть культурология изучает.

Приведу еще дополнительные аргументы, простые примеры. Вы, скажем, идете выбирать президента, и есть книга, которая укажет вам, за кого голосовать. В выборе культуры все-таки вы сами определяете, а вот почему – сами отвечайте на этот вопрос и принимайте решение сами. Тут вы становитесь философом. В основе культуры лежит факт человеческой свободы выбора, и философия культуры была рождена именно этим фактором. Если бы культура определялась, как бабочки в гербариях, природой: ты – здесь, а ты – здесь, тогда – да, тогда культурология – это наука о культуре. Но поскольку что-то и от меня зависит, есть факт свободы моего выбора, возникает философия. Философия – это знание человека в свободе. Сфера свободы – это и есть то, что является для философа культурой. Человек есть природное существо, для верующих – божественное существо, но есть что-то такое, что зависит только от меня. Это впервые открыли греки. Хотя по-настоящему это открыли гуманисты. Они поняли, что в мире существует пространство, территория, которая не может быть сведена ни к природе, ни к Богу, и вот эта территория была обозначена как территория культуры. Здесь становится ясно, что культурология может говорить обо всем, она только не может схватить факт и объяснить факт человеческой свободы.

И животные, и человек создают что-то, поэтому даже у животных есть культура (хотя многие говорят о социальном). О том, что люди создают что-то сами, знали всегда, и не в этом состояло открытие культуры. Что человек создает артефакты, знали греки, но они не знали, что такое культура. Животные действительно тоже охотятся, роют норы, выют гнезда, создают запасы пищи, мы это культурой не называем. Но наука не отвечает на один вопрос, и не может до конца ответить, а кто создал самого человека. Да, если человек часть природы, то тогда все, что он создает это тоже природа. Если человек божественное творение, значит, все, что он создает, это есть замысел Бога, так думали в Средние века. Вот есть нечто такое, что нельзя приписать ни природе, ни Богу. Даже, если я верующий человек. Есть нечто такое, что влияет на человека: в какой-то степени он создает себя сам. Человек – это единственное существо, которое рождается без всякой сущности. В человеке нет никакой субстанции, данной заранее. Это понял великий философ Э.Кассирер, может быть, самый великий философ культуры XX в. Человек – это существо не субстанциальное, а функциональное. Это означает, что свою сущность мы создаем сами.

Теперь я скажу, почему культурология приходит на смену науке. Почему сегодня происходит этот самый «культурологический бум», а с философией культуры и с философией вообще дела обстоят значительно хуже. Это, скорее всего, потому, что мы все больше живем в мире, где свобода человеческая сведена практически к нулю. Мы живем в таком обществе, где нас уже скоро будут конструировать, реконструировать или еще что-нибудь с нами делать. Мы все больше становимся объектом изучения, а отсюда и объектом управления. В этой связи надо понимать, что за этими действиями кроется опасность. Единственный орган знания о культуре, который понимает и чувствует эту опасность – это философия. Из этого родился экзистенциализм как философия человека, который живет в современном обществе и видит

в этом обществе главную угрозу своему существованию. И поэтому он ищет островки свободы не в социальной сфере. Где я человек? Это и есть ответ на вопрос, что такое культура. Культура там, где я свободное существо, а не просто что-то делаю. Вот где культура. Я могу назвать как тех, кто разделяет эту точку зрения, понимая, что, конечно, придут другие ученые и скажут, что культура – это все на свете. Только надо понимать, что первобытный человек, которого мы подставляем под культуру, ни о какой культуре понятия не имел. Мы говорим: китайская цивилизация, хотя ни один китаец не назовет свою страну цивилизацией, это европейский термин, опрокинутый на иные миры. Мы говорим: православная культура, но надо знать, что для верующих религия, вера – это не культура, это сверхкультура, это культ. И надо понимать, что культура существует только для человека, осознавшего себя свободным существом. Это философская точка зрения. Все остальное можете называть культурой, но, с точки зрения философа, это культурой не является.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Речь идет о книге: *Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identities.* N. Y., 2000.

© Межуев В.М., 2011

Статья поступила в редакцию 15 августа 2010 г.

Межуев Вадим Михайлович,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Сектора философии культуры
Института философии РАН,
e-mail: olgazdr@mail.ru

UDC 008.009:3

Mezhuev V.

Reflections on Culture and Cultural Research:

Cultural Research within the Contemporary System of the Humanities Disciplines

(Article 3)

Abstract. The publication continues a series of articles of the renowned Russian cultural philosopher who conceptualises culture and prospects for development of cultural research. In this article the stress is put on issues of “disciplinary doubling” and importance of comprehending the domain of culturology. The author displays specificity of anthropological approach, traditionally linked to ethnographic interest in preliterate culture and notices that a cultural philosopher has to determine a border between culture, which he considers his own and other cultures. The culturology,

which fuses all types of knowledge about culture, meets contemporary challenges and thus supports a cultural research boom. The author believes that consideration of the latter can help to realise how culturology has emerged as a particular discipline from the polyphony of approaches in cultural research.

Key words: culture, culturology, anthropology, cultural philosophy, social sciences and humanities

Mezhuev Vadim Mikhailovich,

Doctor in Philosophy, Professor,

Chief Researcher of the Department for Philosophy of Culture,

Philosophy Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

e-mail: olgazdr@mail.ru